

Глава 8. Я потерял память, а не мозги

Змеиный хвост плавно переходил в человека. И не просто в человека, а в старого знакомого.

Сун Наньчу.

Ещё совсем недавно, когда Сюй Лингуан спрашивал о нём, Чжоу Фуин небрежно бросил, что тот, мол, прячется от жары и спит. И вот он «спит» — валяется в траве на границе Гор Айлао, без сознания и в весьма экзотическом виде.

Сюй Лингуан мысленно усмехнулся. Теперь стало окончательно ясно: отношения между тремя ученичками и этим телом далеки от идиллии «любящий наставник и почтительные дети».

Он снова оглядел Сун Наньчу. Получеловек-полузмея источал ауру чего-то чужеродного, зловещего. В человеческом облике Сун Наньчу был сама мягкость и интеллигентность, его вежливая улыбка вводила в заблуждение кого угодно. Трудно было связать этого приятного юношу с холодной, склизкой рептилией.

Сюй Лингуан был одной из жертв этого обмана.

Он вспомнил чёрную змею у ворот секты, смотревшую на него сверху вниз. В тех красных вертикальных зрачках читалась лишь жестокость и ледяное равнодушие.

И ту огромную тварь, что буйствовала прошлой ночью... Хотя он и не разглядел её целиком, но одной мощи было достаточно, чтобы душа ушла в пятки. Раньше он лишь догадывался о связи этих событий, теперь гадать не нужно. Это всё он.

Сюй Лингуан тяжело вздохнул.

«Ну что за дела? Вчера Чжоу Фуин и Юй Цзюнь сбились с ног, разыскивая его, и не нашли. А я просто шел мимо и споткнулся. Будь я в своем мире, обязательно купил бы лотерейный билет с такой удачей :)».

Он плюхнулся на траву рядом, продолжая охать и ахать.

Посидев немного без дела, он понял, что голод никуда не делся. Сначала еда, потом экзистенциальные кризисы.

Благо в Горах Айлао еда росла буквально под ногами. Набрав знакомых диких фруктов и набив желудок, он вернулся к Сун Наньчу.

Тот не приходил в себя. Он лежал ничком, лицо бледное, губы обескровлены. Чешуя ниже пояса потускнела, стала какой-то серой, а местами на ней проступила желтоватая пленка, будто он собирался линять.

Сюй Лингуан потряс его за плечо. Бесполезно.

Вздыхнув, он обхватил тело и попытался поднять. Тяжелый, зараза! Кое-как, волоком и рывками, он потащил его в тень деревьев.

Сюй Лингуан явно переоценил свои силы. Пока он дотащил это полуживое тело до спасительной прохлады, у него самого едва сердце не выскочило. Прислонив Сун Наньчу к дереву, он рухнул рядом, хватаясь за грудь.

Внутри всё горело. Боль была адской, разрывающей легкие.

Отдышавшись немного, он вытер рот тыльной стороной ладони и с ужасом увидел кровь.

Сюй Лингуан: «...?!»

До него с опозданием дошло, что он, кажется, дорвался до кровавой рвоты. Оплакивая свою никчемную тушку, он бросил злобный взгляд на виновника торжества.

В этот момент Сун Наньчу открыл глаза.

После неконтролируемого буйства наступал период полного истощения. В это время он даже не мог полностью вернуть человеческий облик, застревая в этой уродливой промежуточной форме.

Уязвимый, слабый. Он ненавидел себя таким. Он предпочел бы смерть, лишь бы никто не видел его в этом состоянии.

Даже прежний Сюй Лингуан знал только о приступах бешенства, запирая его в клетку в Пределе Мимолетной Жизни, но не знал о том, что следует после.

Он хранил эту тайну годами. И вот теперь он приходит в себя, а перед ним — Сюй Лингуан.

Первой мыслью Сун Наньчу было: «Убить».

Но тело не слушалось. Только пальцы, лежащие в траве, слабо дернулись.

Зато Сюй Лингуан, заметив, что пациент очнулся, тут же вытаращил глаза и сунул ему под нос

свои окровавленные руки.

— Очнулся наконец! Ты погляди! — загнусавил он обиженно. — Я тебя спасал, надорвался и кровью харкаю!

Вид у него был страдальческий: лицо белое, сморщенное, как печеное яблоко. Выглядел он при этом как обиженный ребенок.

Вот только слова его были далеки от детской невинности.

— Жениться на мне в знак благодарности не требую, но ты это, запомни хорошенько мою великую добродетель! Неважно, какие у нас там были терки в прошлом, считай, мы в расчете. Понял?

Сюй Лингуан быстро прикинул расклад: он не знает, что натворил оригинал, но эти трое учеников явно не подарок. Ссориться с ними опасно для жизни. Лучше обнулить счетчик обид прямо сейчас.

Сун Наньчу холодно усмехнулся. Но сил было так мало, что со стороны это выглядело как недовольное фырканье.

— Молчишь — значит, согласен, — тут же постановил Сюй Лингуан.

Сун Наньчу прожигал его ледяным взглядом, но молчал.

— Ты слишком тяжелый, — продолжил Сюй Лингуан, не смущаясь. — Дотащить тебя до секты я не смогу, пупок развяжется. Да и снаружи меня, может, всё ещё караулят. Так что посиди пока здесь. Я попробую пробраться обратно и маякнуть Юй Цзюнь, чтобы они тебя забрали.

Сун Наньчу наконец скопил достаточно сил для одной фразы. Голос его был тихим, хриплым:

— Это Горы Айлао. Сюда никто не посмеет войти.

Сюй Лингуан уставился на него, моргнул, и медленно произнес:

— Но мы-то с тобой вошли.

Сун Наньчу: «...»

Он прикрыл глаза и отвернул голову.

Сюй Лингуан, честно говоря, сам не понимал, почему все так шарахаются от этого места. Каждый раз, когда речь заходит об Айлао, у местных такие лица, будто там открыт портал в ад. Но он уже дважды тут был — и ничего. Никаких Чэнхуанов, никаких монстров. Наоборот, горы спасли ему жизнь.

— Да ладно тебе, не так уж тут и страшно, — пробормотал он неуверенно. — Чэнхуана нет, никто из кустов с ножом не прыгает. По мне так здесь безопаснее, чем в Секте Сизого Пера.

Сун Наньчу снова повернулся и впился в него взглядом.

Сюй Лингуан состроил лицо «ну хватит уже притворяться».

Зрачки Сун Наньчу сузились. После паузы он спросил:

— Ты вспомнил?

Сюй Лингуан понял, к чему тот клонит, покачал головой и буркнул:

— Я потерял память, а не мозги.

Нужно быть полным идиотом, чтобы не заметить, как эти трое ученичков косятся на него, плетут интриги и ждут подвоха. Если бы он этого не понял, грош цена его опыту офисного планктона.

Сун Наньчу смотрел на него изучающе.

Если раньше в его взгляде была только настороженность и ожидание подлости, то теперь лед тронулся.

Будь потеря памяти притворством, Сюй Лингуан не сидел бы тут и не болтал, а воспользовался бы его слабостью, чтобы добить.

Он действительно ничего не помнит.

Но тут же в голове Сун Наньчу возник новый вопрос: «Пусть память исчезла, но разве может человек измениться настолько? До полной противоположности?»